

ЕЛЕНА
РАЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КЕКС. БОСС
И ПОЛНЫЙ ПОПАДОС!

Елена Рай

Кекс. Босс. И полный попадос!

<https://litres.ru/74246927>

SelfPub; 2026

Аннотация

Васнецова Софья, девушка с особенностями — она сыта по горло этой фразой. Никто и слушать её не хочет, что она вполне взрослая и может решать вопросы, касаемо её жизни. Сводный братец кошмарит, мачеха идентифицирует, как мебельный интерьер, а отец много работает, чтобы замечать очевидное.

«Софья, Адаев с тобой поиграет, выбросит, и ты вернёшься в семью. Радуйся, что отец в тебе души не чает и позволяет сидеть на его шее», — шептались завистники, а девушка рискнула и Плейбой, миллионер и харизматичный холостяк рвёт на себе волосы, не понимая, как его уделала девчонка.

Эта (не) банальная до зубовного скрежета история начала свой путь с заляпанной малиновым джемом белоснежной рубашки харизматичного мужчины, который ввязался в авантюру и потащил в воронку событий особенную и любопытную до приключений девушку за собой В промежутке до ХЭ были: противостояние характеров, переваренные спагетти и много потраченных мужских нервных клеток.

Содержание

Глава 1. Софья	4
Глава 2. Софья	11
Глава 3. Янис	17
Глава 4. Софья	22
Глава 5. Софья	28
Глава 6. Софья	34
Глава 7.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Рай Кекс. Босс. И полный попадос!

Глава 1. Софья

Под подушкой взрывается вибрацией мой телефон. Здорово. Поспать удалось от силы часа два. Чтоб тебе икалось весь день, Егорушка!

Мой сводный братец совсем не уважает мои принципы, границы и нарушил одно важное правило «сводных» на одной территории, где они соседствуют буквально через стенку. Этот говнюк **демонстративно** меня ненавидит, а его маляхольная мамочка покрывает — сваливая всю вину на меня.

Вот зачем мне такое родство, которое на моём лице выглядит, как один сплошной синяк? Гелевые патчи приходится клеить по всему периметру — чтобы из переваренного пельменя получился снова человек.

«Егорушка, ты же знаешь, что я плохая девочка?» — мысленно передразниваю голос подружки сводного, которая выбежала из его спальни перед рассветом.

«У него таких девочек было очень много, — продолжаю вести разговор с самой собой и про себя, *— ох, столько дур*

обманул, а они всё ведутся на его смазливую мордашку. Я как-то тоже на него глаз положила и даже тайно надеялась на симпатию с его стороны, а потом как отрезало».

Почему отец разрешает ему всё, а мне ничего?! Для него он — мужчина, а я — девочка с особенностями в поведении. Егор водит к себе девушек, слушает музыку на максималках, уже ездит на своей машине... Где справедливость? Ау-у-у! Выйти в лес, что ли — и прокричаться? Тогда меня точно упекут в психушку с мягкими стенами, я буду находиться в состоянии «вечного счастья».

Что-то я загрузилась. Голова ещё болит ужасно. Из тайничка достаю обезбол, и запиваю таблетку водой из-под крана. Отец будет задавать вопросы, а маме только дай повод меня вышвырнуть из дома в какую-нибудь богадельню.

— Ай! — вскрикиваю, когда распахивается дверь ванной комнаты, совмещённой с туалетом на втором этаже. — Выйди немедленно! — обматываюсь шторкой, стараясь прикрыть этим полиэтиленовым лоскутом все стратегически важные части тела.

— Не выйду, — усмехается противненько, с налётом пофигизма, с которым этот гад встречает новый для него день. Местное светило, не иначе.

Парень лениво подходит к унитазу, шаркая тапками.

Ну не будет же он... Как же мерзко! Фу! Справлять свою нужду при мне?! Дышу через рот, закрыв глаза, чтобы не проблеяться рядом. Будь я замужем, то не позволила даже

супругу! По крайней мере, не в первые десять лет совместной жизни.

Замахиваюсь мыльной мочалкой, и швыряю гаду в спину.

— Свихнулась?! — поправляет штаны, разворачивается ко мне лицом.

Ещё повезло, что я его причиндал не видела, а то удар бы хватил.

Я же говорила Вам, что он — гад.

Лицемерный, подлый, наглый, невыносимый сводный ГАД!

— Пошёл вон, — указываю ему направление, — а то подумаю, что я тебе нравлюсь, — тут я блефую, давлю чисто из вредности на болевые точки нашего обоюдного отвращения друг от друга.

— Ты?! Скрути борзومتر, Софа, — рычит на меня этот павлин, приближаясь.

Видит Бог, как он меня достал! Надеюсь, что *наверху* этот грех спишут с моего счёта, на котором и так немало прегрешений.

Направляю лейку сводному в лицо, наслаждаясь спецэффектами.

На его вопли прибежала Надежда, наша домработница, она единственная, кто всегда был на моей стороне с первого дня в этом доме. Заменяла обоих родителей (отец был номинально), объяснила про женский цикл и научила (только в теории) пользоваться гигиеническими принадлежностями.

Вот только к её слову никто не прислушивается, а держится женщина здесь из-за меня.

— Егор, что ты? Сестра же, — хватается за сердце она, — иди, мальчик, на завтрак. Отец ждёт.

«Братец» моим полотенцем вытираем голову и лицо, а затем точным броском отправляет его в корзину с грязным бельём.

Надеюсь, что когда-нибудь меня заберёт МОЙ ПРИНЦ на... да хоть на велосипеде и увезёт до университетского общежития, в таком случае, отец мне будет не указ. А моей матери я не нужна, во Франции у неё своя семья, с доминантными генами нового мужа.

Обидненько, конечно, вся эта ситуация выглядит со стороны. Но в душе я знаю, что и на моей улице перевернётся аж целый грузовик с пряниками. А этим невежествам назло, так, чтобы они поперхнулись своим ядом — буду приезжать со своим красивым мужем каждый месяц!

По-шу-ти-ла.

Не буду я такое делать. Счастье любит тишину и все дела, над которой кармическая система «звездюлей» имеет свою силу — земля круглая, бумеранг имеет место быть.

— Па-а-ап! — спешу в столовую, с целью пожаловаться на сводного. — Он ко мне в ванную ворвался! — про то, что он пописал при мне... тактично проглотила, а то не позавтракаю.

— Надо закрывать дверь, Софа, — папа улыбается, откла-

дываю утреннюю газету в сторону от своей тарелки. Кто читает ещё газеты? Наверное, мой папа из-за статуса. А ещё ей можно надавать до наглой физиономии Егора!

— Она была закрыта, — втыкаю кулаки в бока. — А он... Этот... — указываю на этого... — ФУ!

— Дети, — примирительным смешком отец разводит руками, — ну вы сами как-нибудь разберитесь в вашей войне.

— Война? — хмыкаю я. — Тогда он *записывает* своего врага!

— Что? — брови отца вопросительно взлетают вверх.

— Гадина, — шипит Егор так, чтобы родитель его не услышал, — получишь по своей толстой заднице ремнём.

Моя мачеха появляется как всегда (не)вовремя. Вечно красивая, вечно худая, вечно злая — на меня.

— Софья, не налегай на мучное, — отбирает у меня булочку с маком, — возьми лучше это, — вместо углеводов у меня в руке стебель сельдерея. — Скоро к твоему XL будет приписка — 2, 3, 4 и... придётся резать....

— ДОСТАЛИ! — кидаю на стол зелёное недоразумение, от которого у меня болит всё тело при его употреблении на голодный желудок.

— Софа! — рывкает отец, а Егор нагло ржёт себе в кулак. — У тебя диагноз, девочка! Одной будет тяжело тебе. Мы — твоя семья, и тут тебе никто не желает зла.

— Не смертельный у меня диагноз, — поджимаю губы, показывая Егорушке-дурачку кулак.

— Поедешь с Егором, дочка. Вы поговорите. И... Вы же взрослые, — вздыхает, — а ведёте себя, как дети.

— Вот именно, — расстреливаю напалмом улыбчивого братца, за что получаю выкатанный язык.

«О, Боже! — закатываю глаза. — Милостивый, дай мне сил не придушить этого гада редкостного подушкой, когда тот будет спать».

— Я лучше мозоли заработаю неудобными туфлями до крови, чем поеду с ним!

— Как скажешь, сестрёнка, — пожимает плечами, типа тут один дьявол, и он (она, то есть я) в юбке пятидесятого размера.

Тааак, в ход пошло зелёное яблоко. И чтобы всё это прекратить, отец нас разогнал по комнатам. Пришлось переодеться в удобный джинсовый комбинезон и поехать на общественном транспорте до вуза.

— Соф, чего такая злая? — в паре сантиметров от моей щеки повисает фальшивый поцелуй Веры. — Вот тебе кексик, — из рюкзака достает сплюснутый, но вполне съедобный в индивидуальной упаковке. Малиновый, химозный, но я съем — не гордая.

— Братец достал, — откусываю сразу половину. — Убить готоф-ф-фа, — девчонки надо мной смеются, потому что для них он... Всё равно сволочь, но красивая. Признавать очевидное я вполне вменяема, но такое обращение к себе не приемлю.

— У нас сегодня замена, — в аудиторию меня втягивает Нина, вся красная, как мак, — Янис Данилович, а вот наша староста, — и поддакивает, зараза любимая (подружка же) меня в спину.

От неожиданности я выронила половинку кекса на его белоснежную рубашку, большая часть джема липкой кляксой повисла на пуговицах...

— Это попадос, сестрица, — на всю аудиторию смеётся сводный в компании противной Лукьяновой, первой красавицы моей группы.

Глава 2. Софья

По всей аудитории прокатились смешки и колкие шепотки.

— Васнецова облажалась, — кто-то язвительно заметил такую очевидность.

— У-у-у, растяпа, — захихикала Лизка Шибанова, накручивая белокурую прядь волос на палец. Эта гадюка всегда найдёт шмоток говна, чтобы как следует зарядить в самый уязвлённый момент.

— Извините, извините, — тараторю, выкидывая остаток от кекса в мусорное ведро под преподавательским столом. — Со мной такое впервые, обычно я так не косячу. Ещё раз тысячу извинений, — суетливо открываю рюкзак, вываливаю оттуда половину содержимого. Как назло то, что так необходимо — находится на самом его дне, будто сам чёрт там всё перемешал.

— Может, не надо?.. — чувственный голос с приятной бархатной хрипотцой взрывает мои слуховые рецепторы, словно ничего прекраснее я не слышала в своей жизни. Это так необычно, волнующе.

Вместо того, чтобы прислушаться к просьбе мужчины — не изменяю себе. Я продолжаю остервенело стирать капельки джема. Эффект оказался обратным. Вместо желаемого получила совершенно непредсказуемый результат.

— Чистый шёлк? — изумлённо уставилась в тёмно-карие глаза под неутихающие гвалт голосов. Мой сводный мерзавец что-то бубнит, выпячивая свою показную крутость.

— На заказ, — правый уголок рта мужчины чуть дёргается вверх в подобии улыбки, — в единственном экземпляре.

У-у-у, попадос, Васнецова!

Соображай... Что там требуется в экстренной ситуации, когда испорчена дорогая вещь?

«Немедленно застирать пятно, пока не въелось намертво, — как-то спокойно подсказывает мне мой внутренний голос, — немедленно».

— Снимайте, надо застирать, — выдаю, что синтезировал мой воспалённый мозг в агональный период, — то есть, не снимайте, — в мусорку улетает натруженная влажная салфетка.

Я не понимаю, почему Вера молчит, и ещё никто меня не оттащил от мужчины, что неприлично красив и дорого одет. Вообще он выглядит здесь инородно, и смею предположить, что преподавательская деятельность для него — хобби богатого и знаменитого.

Настолько растерялась — не заметила, что нас снимает подружка моего сводного (постоянная). Лукьянова выложит в общий чат, и тогда начнутся... Нет, не «Голодные игры»! В них бы я победила — доля сумасшествия во мне всё же присутствует для подобного.

— Если данное видео будет где-то опубликовано, — муж-

чина оскаливается в самой коварной улыбке, которую мне доводилось видеть (я повторилась), — то я приму ответные меры, так как не давал разрешение на съёмку.

По аудитории сошла лавина шепотков и вздохов — у меня не будет казни? Сводный гад уже не так улыбается. Вера ушла на дальние ряды, а я... С какого-то перепугу наклеила на пятнышко стикер «сердечко».

— Ммм, — мужские брови вопросительно приподнялись. Он так выглядит, будто ни одна женщина его не удивляла своей непосредственностью. Точно, я же с особенностями, и многое для меня кажется вполне естественным. Не смогла исправить — задекорирую.

Виновато потупив взгляд, побрела между рядами наверх. Одногоруппники смаковали все мои действия, смеялись, подкалывали и часто в их словах проскальзывало: «Чокнутая».

Ах, как невежественно смеяться над теми, кто смотрит на этот грешный мир иначе. Ведь многие известные учёные сделали величайшие открытия с таким распространённым диагнозом. Да, они чудили, но благодаря им — у нас многое есть, а спасибо им никто не говорит, как «доброе утро и спасибо» баристе в здешнем кафетерии.

Вместо со звонком в аудиторию ворвалась румяная секретарша нашего проректора. Её писклявый голос неприятно царапнул слуховые рецепторы:

— Янис Данилович, извините, что задержалась. Ох, уж эти первокурсники, — нервно захихикала женщина чуть

старше сорока.

— Ничего страшного, — мужчина надел пиджак, полностью аннулируя мои трепыхания. Теперь ничего не видно. Как я сама до этого не додумалась?..

— Ребята, хочу Вам представить, — секретарь кокетливо поправляет волосы, — Адаев Янис Данилович. Он... — её прерывают, она ещё больше смущается и краснеет.

И она туда же!..

— Все регалии потом, — Янис Данилович окидывает внимательным взглядом два потока, нас соединили. Мой сводный братец со мной — полностью с Вами согласна, бежать хочется на максимальной скоростью и кричать: «Пожар!»

— Конечно, конечно, — заискивает она перед ним, как перед божеством. Янис Данилович похож на языческого, с демоническим тёмным взглядом. Он пересекается с моим, отвожу свой. — Хотела донести им, что сегодня у них не просто лекция с замещающим преподавателем. Вы подарите им возможность поработать у лучшего из лучших, — смотрит «почему-то» только на первые ряды и не находит... меня, — дерзайте, ребята. Эта такой шанс!

Янис Данилович поморщился — большинство с ним солидарны.

— Кто-то уже точно облажался. Минус один, Софа, — сводный изображает пистолет и направляет в мою голову, — бах.

Аудитория взрывается гоготом.

Ну дебилы, а.

Проводив секретаря, Янис Данилович присаживается на край стола, что уже выглядит странно. Однако, весь женский пол с придыханием наблюдают за ним.

Что я там говорила про «Голодные игры»?

— Вер, погугли про Адаева, — шепнула ей на ухо, — чтобы понимать о ком идёт речь.

— Ты его не знаешь? — округляет глаза. — О таких людях надо знать, — и язычком с пирсингом цокнула, зараза такая.

Мне только что дали невидимый подзатыльник.

Не увлекаюсь я плеейбоями неженатыми! Вообще никем, кроме учёбы и перспективы отделаться от опеки отца.

— Вместо скучной лекции... — Янис Данилович обводит взглядом *верха*, поболтаем. Вы задаёте мне вопрос, а я задаю Вам свой. Идёт? Отвечаем честно.

— А насколько вопрос, может быть, личным? — тут же вписывается в непонятную игру Лукьянова.

Закатываю глаза.

Конечно, конечно.

Первая красавица группы не могла ударить лицом... Выпендрилась, как обычно, зарабатывая в глазах неудачников (по её же мнению — 99% из присутствующих) дополнительные очки.

Из параллели преимущественно парни — им до Луны, кто пойдёт работать к *лучшему из лучших*. Большинство из них чьи-то сыновья. Лето проведут за границей с местными кра-

савицами. Обратно они привезут не заполненный производственный дневник, а равномерный загар и парочку ЗППП-шек.

— Нет ограничений, — вот тут-то и есть подвох.

— Вы женаты, есть постоянная любовница? — смелая она, однако.

В аудитории проснулись все!

— Не обременён длительными отношениями, не женат, — даже отсюда мне видна его дьявольская ухмылка, — теперь моя очередь. Вы готовы подставить свою подругу, если на кону будет практика... у меня?

— Ой, — замялась она, — неудобный вопрос...

— Хорошо, — кивнул Адаев, — я возьму... вашу подругу к себе.

— Да!

— Свободны, — указывает на дверь мужчина.

— ЧТО?! Я же ответила! — лицо Вали пошло багровыми пятнами.

— Вы мне уже не подходите... Я тоже хочу лучшего или лучшую из того, что имеется, — скрипнул зубами. — Продолжим, — и посмотрел на меня.

Глава 3. Янис

Как же скучно...

Она могла задать мне любой вопрос — прибегла к банальным пошlostям, с ходу запуская по локоть руку в мои трусы. Такую маленькую фурию не остановит законная жена с семью детьми, а что уж говорить про любовницу. Резко запахло нафталином от смазливой мордашки в люксовой обёртке. Если избавить от всей шелухи, то она ничем не будет отличаться от бедной девочки, чьи родители пашут на работе с утра до вечера.

— Вы мне уже не подходите... Я тоже хочу лучшего или лучшую из того, что имеется, — скрипнул зубами. — Продолжим, — взглядом нахожу вкусную *булочку*, в милом наряде для девочек лет пятнадцати. Что-то в этом есть... С налётом на провинциальность.

Девушка на меня обиделась, встала, подняла своими нехитрыми манипуляциями облако приторных духов и пронесла его до самой двери — громко хлопнула дверью, показывая всем, как ей плевать на моё мнение.

Меня уже трудно чем-то удивить. Однажды получилось, но эта девушка счастлива с моим лучшим другом. Их свадьба станет кончиной беззаботной жизни одного холостяка. А ведь божился, что ни-ни... Балабол и подкаблучник, как оказалось.

— Кто следующий? — лениво растягивая слова, открываю электронный журнал группы на планшете. Будущие дизайнеры, значит. Вторая группа юристов, как ни странно. Для меня это выглядит, как торт с селёдкой. — Доброволец?..

— Я, — самоуверенно тянет руку парень в странной клетчатой рубашке на размера два меньше, чем полагается. Если только он не задался целью обтянуть свой тощий бицепс тканью, иллюзорно добавляя рельефы. — Практика оплачивается?

Что я там говорил? Ско-ко-та.

Перед ними Адаев Янис Данилович — человек, который с ноги открывает многие двери (не общественные) и обладает индивидуальным стилем ведения бизнеса.

— *Галочка*о том, что Вы прошли у меня практику, откроет многие двери, — обаятельно улыбаясь, без перегибов, выключая планшет и перехожу к интеллектуальному отбору на выживание. Обезьяна продержится с битой в руках дольше, чем просто обезьяна.

— Лохотрон, — протянул парень, встал и проследовал вслед за симпатичной мордашкой. Уверен, что они под дверью будут караулить и поджидать каждого следующего.

— Предлагаю покинуть аудиторию тем, кто не заинтересован во мне, — складываю руки на груди и жду.

«Ну и на кой тебе это надо, Ян? — внутренний голос подмечает очевидное. — Если бы ты был аккуратнее с дамоч-

кой, то она бы сейчас пришла на работу, а не лежала на пузыре со льдом своей промежностью. Вывезешь ситуацию?»

Хочу заметить, что я — не извращенец. Мои женщины накормлены, обласканы и удовлетворены. Вчера немного был перегиб с секс-игрушками, но она же сама хотела попробовать, сама сосочки оттягивала и дразнила меня.

Шалость удалась, а почему-то мне досталось наказание в итоге. Похоже на отношения, но меня туда не заманишь — слово сдержу, раз дал.

Студенты гуськом выходят, качая головой и ухмыляюсь. Королеву поддержала свита. Всё понимаю — им ещё учиться вместе, а лузеров нигде не любят. Только и у этих лузеров нет будущего. Пиявки, живущие за счёт лидера.

— Достал, придурок, — поворачиваю голову на источник, — ой, извините, — *булочками* раскраснелась, а у меня проснулся зверский аппетит. Ещё и малиновый джем этот. Р-рвать и метать хочется, но она же девушка. Им свойственно ошибаться, творить дичь и быть просто женщиной, когда того требует ситуация.

— Ой, — мои губы расплываются в предвкушении. — Представьте, пожалуйста.

Девушка вздрагивает, а потом... Как в школе. Испуганный взгляд, дрожащие коленки и искусанные губы.

— Софья, — теребит лямку комбинезона.

— Почему Вы, Софья, не последовали за... — показываю направление на дверь.

— Зачем? — интересно.

— Коллективный разум, — пожимаю плечами.

— Он должен работать во благо, а не в ущерб, — уверенно выпрямила спину.

— Очень хорошо, — мысленно загибаю первый палец. — Почему Вы выбрали факультет дизайна? Расширить творческий потенциал или?..

— А Вам не кажется, что Вы задали слишком много вопросов, а я ни одного, — вдруг у девушки *прорезался* голос. Вот только смотрит она не на меня, а на парня.

— Верно, — склонил голову на бок. — Ваша очередь, — эта игра мне уже нравится, и я разочаруюсь, если она спросит о том «москвич я или нет».

— Ммм, — постучала она пальцем по губам. — Почему я должна выбрать Вас?

Вот это поворот.

— У-у-у, — прокатилось мужское по аудитории.

— Софа, ты... дура, — прошипел парень, которому предназначалось «идиот». Этот умник обратился ко мне: — Моя сводная немного «ку-ку», — крутит пальцем у виска, — у неё даже справка есть.

— Ах, ты! — лицо Софы приобрело фиолетово-багровый оттенок, будто она сейчас задохнётся от возмущения.

Не учили этого мальчишку хорошим манерам дома — придётся временно побыть для него суровым батей.

— Как там говорится: «Солдат ребёнка не обидит...» —

прямо намекаю пацану, кто здесь сейчас альфа в более тактичном его варианте. — Извинись перед девушкой.

— Не буду, — ухмыляется подонок. Втащить охота. Кулаки чешутся. Ни разу я не преподаватель. Слово, чтоб его... надо сдержать. Тоже не особо умный, раз обещал такое, от чего у самого внутри всё закипает.

Глубоко вдыхаю, медленно выдыхаю.

Парень смотрит с вызовом — ждёт, что сорвусь.

Все молчат.

— Знаешь, в чём разница между тобой и мной? — оставаться лапочкой и не прибить гадёныша (видит дьявол — я держусь из последних сил). — Я могу себе позволить не опускаться до твоего уровня. Извинись перед девушкой, пока ещё есть шанс не стать тем, кем ты сейчас выглядишь.

Глава 4. Софья

— Не стоит, — прервала поучительный монолог-просьбу Яниса Даниловича.

Действительно, приятно, когда за тебя кто-то вступается, морально прогибает обидчика. Только всё это бессмысленно. Егор никогда не извиниться чистосердечно, а дома мне за это ещё влетит. Когда годами внушают, что ты «не такая, как все», начинаешь в это верить.

Закинув на плечо собранный рюкзачок, я молча направилась к выходу из аудитории. Шепотки однокурсников давно слились для меня в нечленораздельный гул — бессмысленное переливание из пустого в порожнее. Есть вероятность того, что позже в чате группы появится что-то помимо селфи главной звезды.

— Куда пошла? — как я и предполагала, Лукьянова стоит под дверью, окружённая свитой. Мне заочно жаль того бедолагу, за которого она согласиться выйти замуж. Вечного запаса магния в его аптечке, аминь.

— Не твоё дело, — толкнула её плечом. А вот нечего вставать на пути той, что весит килограмм на пятнадцать больше. — Ещё чего, чтобы староста перед тобой отчитывалась, — фыркнула.

Для меня быть старостой означает иметь хоть какое-то слово в социуме. Жаль, что практика у Адаева накрылась.

Мне даже показалось, что я его заинтересовала. Как всегда вмещался сводный, и пошло всё по одному месту.

Я же не виновата, что его мать влюбилась в моего отца. В этой Санта-Барбаре я не имела право голоса, и до сих пор играю роль второго плана.

Выйдя на улицу, глубоко вдыхаю свежий воздух. Солнце нежно ласкает кожу тёплыми лучами. Обратно в бетонную коробку совершенно не хотелось.

Расслабиться мне не даёт внезапный звонок матери.

Будто все вокруг решили разом разорвать ежедневные рутинные шаблоны.

Я замираю, глядя на экран смартфона, медитируя перед тем, как провести подушечкой пальца по зелёной иконке.

— Привет, ма-а-ам, — бросаю в трубку, одновременно останавливаясь у ларька с мороженым. — Малиновое с одним шариком, — обращаюсь уже к продавцу, протягивая смятую купюру. В рюкзак кошелёк так и не влез, пришлось выбирать между ним и учебником по истории дизайна. В итоге... прогадала.

— Софья, здравствуй, — голос мамы, как после литра выпитого энергетика. — Я тебе прислала одежду.носишь?

Опа-ча!

Посылка, чтоб её... Вещи размера S, которые я безуспешно пыталась натянуть на свой XL, почти переходящий в 2XL. Задача «впихнуть невпихуемое» — провалилась.

— Спасибо, — забираю рожок, благодарю одну женщину

и про вторую не забываю. — Мам, я давно выросла из детских размеров. Ты бы знала, если бы видела меня чаще.

— Сколько раз я говорила тебе: «Ограничивай потребление углеводов», — в голосе слышится осуждение, будто я только что совершила государственное преступление. — Со всем тебя отец запустил.

Я откусываю кусочек мороженого и невольно закатываю глаза от удовольствия.

Свернув в парковую зону, направляюсь к небольшому пруду. Здесь тихо пока. Конечно, к обеду место оживёт. Подтянутся студенты, мамы с колясками...

— Мам, а к чему ты вспомнила папу? — закидываю удочку.

И как оказалось, что не зря.

— Твой отец вчера лайкнул мою фотографию на страничке... А потом убрал *реакцию*, — с улыбкой представляю, как она нервно тербит край подола платья. — Олеся его подурнела, да?

Кто о чём, а моя мама неизменно возвращается к теме новой жены моего отца. Мы все давно живём своими жизнями... Вот оно ей надо?

Мороженое начинает таять.

Уверенно иду к пустой скамейке под раскидистым клёном. Присаживаюсь и вытягиваю ноги... Кайф.

— Мам, у меня тут важная встреча намечается, — облизываю взглядом лакомство (пока). — Давай позже пообща-

емся?

— Софья, удели матери время!

— Мам, люблю-ю-ю тебя, — отдаляю от себя мобильник и отключаюсь. — Фух... Кажется, пронесло.

Мороженое я так и не доела. Его подтаявшие остатки отправились в урну, а всё из-за подружек, которые буквально оборвали мне сотовую связь.

Оказывается, следующую пару отменили, и девчонки решили присоединиться ко мне в парке (они знали, куда я сбежала). Без пончиков и сладкого чая, как говорится, не одна беседа ещё не задалась.

Уши у Яниса Даниловича, наверное, уже красные от стольких восторженных пересудов...

— Он тако-о-ой... — Селезнёва расплылась в мечтательной улыбке, глядя куда-то в небо. — Неземной, что ли.

— А голос! — Вера достала диктофон и включила запись лекции (она частенько так делает), которую Янис Данилович провёл в моё отсутствие.

Я попыталась сосредоточиться на содержании, но это оказалось непосильной задачей. Девчонки вздыхали: «Ах».

— Скиньте мне материал, пожалуйста, — постаралась не раскраснеться. — Хочу записать основные тезисы.

— Зануда, — хором пропели они.

Третья пара была последней. Мы вышли из корпуса вместе, но через пару минут каждая отправилась в свою сторону.

Окинула взглядом парковку. Машины сводного гада не

было. Значит, уехал с Лукьяновой. Её то не было на третьей паре. Задевает ли меня это? Нет.

В самом начале стоял чёрный матовый Ягуар Тайп (увлекаюсь машинами). Роскошный тигрёныш, однако. Потянуло дотронуться до него и почувствовать прохладу металла. А почему бы и... да? Аккуратненько так, едва-едва.

— А-а-а! — сигнализация сработала от соприкосновения. Какой чувствительный *тигрёныш*!

Рванула прочь, будто за мной гнались все черти ада. Добежала до остановки, едва не выплёвывая лёгкие.

«Физическая подготовка у меня явно ниже плинтуса, — подумала, пытаюсь отдышаться. — Надо бы скакалку достать. Говорят, помогает».

«Так все и всегда говорят», — ехидно подсказал внутренний голос.

Мачеха сидела в гостинной, когда я вернулась домой. Она что-то буркнула (судя по тону, очередное приветствие в её фирменном стиле), но сквозь сковавшие мышцы зелёной жижи (маски) — разобрать слова было задачей, с пометкой (*).

Я молча прошла на кухню, водрузила на тарелку парную рыбу с макаронами и поднялась в свою комнату.

Пока не вылетело из головы заказала две надёжные щеколды. «И в ванную поставлю, — мрачно подумала я. — Пусть сводный себе подгузник купит, если так приспичит».

Подружка перекинула мне лекцию. Поместила капли-на-

ушники в уши и включила аудиозапись. Закрыла глаза, погружаясь в интонацию, в паузы, в то, как он... «Если в голос можно влюбиться, то...» — мысль оборвалась.

— Какого чёрта? — резко распахнула глаза.

Глава 5. Софья

— Ты чего такая зашуганная? Порнушку что ли слушаешь? — ухмыльнулся тот, чьё имя у меня ассоциируется с ползучими гадами.

Я не успела остановить аудиозапись, и Егор смог услышать небольшой кусочек лекции. Отняла у него наушник, и всё убрала в верхний ящик письменного стола.

— Егор, какого чёрта ты вламываешься в мою комнату без предупреждения? — отталкиваюсь ногами об пол, и вместе с креслом отъезжаю от него. Вторгается в мои личные границы, когда в его воспалённую голову стукнет моча. Мне его соседство уже давно не в радость, а он только и ждёт, что я его поколочу.

Сводный не торопится отвечать на мой вопрос. Смотрит как-то странно. Не так обычно, как я привыкла. *А как обычно он смотрит на меня?* Как на таракана, застуканного посреди ночи на кухне? Что-то в этом определённо было.

— Запала на препода? — склоняет голову к правому плечу. — Нет, ты точно чокнутая, Софа, — скривился, будто проглотил кислый цитрус. — Адаев с тобой поиграет, выбросит, и ты вернёшься в семью. Радуйся, что твой отец в тебе души не чает и позволяет сидеть на его шее.

Открываю и закрываю рот, как выброшенная на берег рыба.

Радоваться?.. Радоваться! Не хочу я так «радоваться». Мне не нужна такая забота. Я не хочу, чтобы внимание ко мне было равносильно благотворительности обездоленным и ущербным.

Ничего из этого Егор не поймёт. Он будет и дальше издеваться надо мной, пока его лексический запас будет пополняться помойными словами из словарика своей мамочки-приживалки. Кто-то, а она точно знает, как можно удобно сидеть на чужой шее и посадить на неё ещё одну наглую пиявку.

Нервным движением поправила тоненькую лямку топа, и взгляд сводного прикипел к тому месту. Он часто заморгал и прокашлялся.

Говорю же — Егор какой-то странный сегодня. Если у него плохое настроение (свидание не удалось?), то тушите свет!

При нём полила цветы на подоконнике, чтобы занять руки и не вцепиться ими ему в глотку. Как я зла, если бы Вы только знали. В моей голове рисуются красочные картинки того, как можно с помощью маленькой пластиковой лопатки совершить немало больших проблем.

— Обиделась? — снова поправила ненавистную лямку топа. — Соф-ф-фа, я же тебе правду сказал, — прозвучало у меня за спиной.

Как-то само собой всё получилось. Я схватила в руки пульверизатор и направила Егору прямо в лицо. Пара водя-

ных пшиков, и он меня бесит уже чуточку меньше, чем «как обычно».

— Дура, — ладонью стряхивает на ковёр капли воды. Он приближается, а я снова жму на «курок». — По заднице схлопочешь! — ещё один прицельный. — Сама напросилась! Софа!

А кто сказал, что я должна смиренно сидеть и ждать своего наказания?

Мне чуть-чуть не хватило добежать до кабинета отца. Егор перехватил меня поперек тела и затолкал в тёмное помещение, где хранится инвентарь. Пахнет немного сыростью, моющими средствами и свежей краской.

— Чокнутая коза, — хрипит мне в губы, прижимая своим телом к металлическому стеллажу. — Как же ты меня бешишь!

— Как же ты меня бешишь... Тоже! — бью ладонью по выключателю, и маленькое пространство заливается светом.

Глаза в глаза. И ни капельки сожаления в том, что я намочила густую шевелюру парня. От модной укладки ничего не осталось — не девочка, чтобы плакать по такой мелочи жизни.

— Обоюдно, — сужает глаза.

— Обоюдно, — толкаю его в грудь, — приятно тебя ненавидеть.

— Мне тоже, — его лицо ещё ближе.

— Да пошёл ты, — хочу прицелиться своим импровизи-

рованным оружием от липких тварей, как этот паскудник набрасывается на мои губы. В самый последний момент уворачиваюсь, и он впечатывается в щёку. Мой первый поцелуй этот соплежуй-пельменыч не получит! Кто знает, кого (какую часть тела) он недавно своими пельменями лобызал.

— Софа, — дышит надсадно мне в ухо, — хватит ломаться, а.

— Хватит испытывать моё терпение, Егорушка, — шиплю как змея, готовая вот-вот обвить шею хвостом своей жертвы. — И не прикасайся ко мне больше, потому что ты мне неприятен.

Оттолкнула от себя, да он уже и не давил на меня массой. Раздавила его самолюбие? Общипала павлиний хвост? Подёргала за усы хищника?

Обо всём об этом я пожалела на следующее утро, когда отец пригласил меня в свой кабинет. Со стороны сводного — это оказалась провокация на эмоции, которые он получил и поделился порцией своего яда с матерью. Она во всей красе рассказала (пожаловалась), как я домогалась её мальчика. Раз меня никто в семье не слушает (по её словам), то я решила её разбить таким гнусным поступком.

— Это правда, Софья?! — пророкотал отец, сжимая пальцами переносицу. — Софья?!

Задумалась.

Я что-то вспомнила, как накануне хотела надавать лещей пластиковой лопаткой. Жалко, что не сделала. Без вины —

виновата, как всегда.

— Правда в том, папа, что ты прикормил двух наглых и жадных до твоих денег змеючек, — набрала в лёгкие побольше воздуха для нагнетания драмы. — И дам совет за «просто так» — дай им пендаля, чтобы улетели на тёмную сторону Луны и не отсвечивали. А я тебе хорошую женщину найду, только свистнуть надо.

— Саша, что она такое говорит?! Саша, ты слышишь?! — мачеха влетела в кабинет, размахивая руками. — Саша, не позволяй этой девчонке тобой манипулировать! Саша!

— Да я слышу, Олеся! Всё слышу! Не надо орать и насиловать мои уши! — рявкнул так, что все подпрыгнули.

Егор стоял и подпирал плечом косяк. Наглый, самодовольный упырь.

Пока никто не видит — выкатывает мне средний палец.

Титаническим усилием заставляю себя стоять на месте. Наигранно почёсываю средним пальцем переносицу (ответочка).

Егор удивлённо приподнимает брови. У него даже губы вытягиваются глупой уточкой.

За нами наблюдают родители, и моё поведение, как всегда, не устроило отца.

— Софа, поживёшь пока отдельно, — родитель припечатывает ладонью по столу, — однокомнатную готовили под Егора, но тут такое.

— Что?! — взревел сводный. — Она... она...

Этот спектакль становится всё интереснее. Хватаю из вазочки конфету. Разворачиваю шелестящую обёртку и с удовольствием вгрызаюсь в шоколадную массу.

— А потом она уедет к своей матери. Там лучшие клиники, специализирующиеся на детских заболеваниях нервной системы, — сводный и мачеха переглянулись и улыбнулись.

Изо моего рта выпадает половина конфеты. Она шмякается на бежевый ковёр.

— Чур, чур, чур, — перекрестилась я, — выписывай мне вольную сразу на улицу.

— Софья! — рявкает отец мне в спину.

Глава 6. Софья

Сказать, что я разочаровалась в одном конкретном человеке — ничего не сказать.

Это уже за гранью всякого понимания.

Как можно так обращаться с живым человеком? Распоряжаться моей судьбой, словно я недееспособная. А почему «словно»? Они в этом полностью убеждены.

Когда мои родители узнали о моём диагнозе после бесконечных обследований у невролога, то их мир, в прямом смысле этого слова, перевернулся. Они погрузились по самую макушку в бесконечные паблики, форумы и статьи. Выясняли, что это за зверь такой «СДВГ». Коварные четыре буквы, которые забрали у меня адекватных маму и папу. Читали, анализировали, обсуждали... А я? А я играла в куклы, сидя на ковре, не понимая, что случилось.

Если один врач говорил, что с этим живут и вполне счастливо — отец искал другого врача. И так по кругу. Порой мне казалось, что *это* они сошли с ума. Они хотели спасти свои отношения, склеивая брак «больным ребёнком». Как бы больно мне сейчас не было — волосы назад и пошла! Не туда, куда мог бы отправить меня сводный.

Чтоб его черти кусали по ночам...

Я не буйная, не «сложная», не «неуправляемая». Я весёлая, искренняя, люблю своих подруг, а они меня. И я хо-

чу проживать свой возраст, как положено, то есть «согласно возрасту». Почему-то, когда мы видим маркировку «18+» — мы не предлагаем это ребёнку. У меня же строгая планка «12+», где я осталась вечным ребёнком, с осложнениями в поведении.

Позвонил курьер. Хотел согласовать время доставки щеколд — я отменила заказ. Мне они больше не нужны.

— И куда ты собралась? — отец прислонился к косяку, наблюдая за мной с выражением, которое я слишком хорошо знаю. Коктейль из смеси тревоги и раздражения.

А что? Я собираю чемодан. Они ведь всерьёз решили меня «выселить». Правда, на квартиру я не поеду. Не хочу. Не могу. Выкуси, сводный мерзавец! И закуси своими же фекалиями!

Больше всего меня возмущает даже не подлый поступок Егора, а совсем другое. Отец собирался изначально подселить туда ЕГО. Этому... гадёнышу, который «бездиагностный», позволяют всё в этом доме.

Похоже... Я стала лишняя в нём.

— В свободное плавание, — фыркнула я, не отрываясь от сборов. — Не отвлекай меня, а то вдруг что-то забуду.

— Софья, ты занимаешься глупостью, — отец прикрыл глаза ладонью. — Давай поговорим, дочь.

— О чём? — постучала по подбородку средним и указательным пальцами. — О том, что я должна жить отдельно «временно»? А потом ты меня спихнёшь, как лишний груз

и передашь маме? Вы играете в меня!

— Хватит! — его кулак врезался в стену. Вздрогнула. Вмятина же останется... Это его дом. Так, какая мне разница... — Кто о тебе будет заботиться? Кто будет тебя кормить, содержать, одевать?!

Он поднял в воздухе пакетик с лекарствами. Мой запас. Трясёт им, смотрит мне в глаза, пытаюсь доказать мою никчёмность.

— Кто будет тебе их покупать? — кричит он.

А потом всё это добро летит на пол, прямо мне под ноги.

Так меня ещё никто не опускал. Но я не встану на колени, чтобы собрать эту дрянь, блокирующую мои эмоции.

— Я сама о себе позабочусь, раз родные люди не видят во мне никого другого, кроме... — смахнула слезинку со щеки, — да и какая уже разница.

Кто у нас без «изюминки»? Наверное, таких и нет. А папа другой позиции, то есть он — слеп, как крот. Его «Олеся» — женщина не с изюминкой, а с гнильцой. Она ассоциируется с протухшим салатом. Если его щедро сдобрить майонезом, то заглушит запашок.

— Эти вещи я тебе покупал!

— Вот так, да?! — взрываюсь я.

Распахиваю чемодан. Вещи летят на пол с глухим стуком. Всё, что когда-то казалось заботой, теперь выглядит как цель, которой меня пытались привязать.

Брендовое тряпье, подаренное мамой, пойдёт на бартер с

девочками. Кто-то перекупит, и у меня будут деньги.

— Что ты делаешь? — отец хватается за голову.

Подхожу к окну, распахиваю створки. Один за другим швыряю вниз предметы гардероба.

При втором заходе замечаю во дворе сводного. Он стоит, засунув руки в карманы. Смотрит на меня, гад редкостный. Улыбается, мамкин соплежуй.

— Поцелуйся с туфлём, тюфяк! — выкрикиваю и замахи-ваюсь.

Туфля летит точно в цель (почти). Плечо — подойдёт, как мишень. Головой он всё равно не работал, и не использовал её по назначению. Там и отбивать нечего.

Закрываю окно с таким усилием, что рамы дрожат.

— Ты пожалеешь об этом, — потрясённо произносит отец, — вернёшься домой.

— А где мой дом? — вяло улыбнулась. — Дом — там, где ждут. А меня отсюда гонят... Будь счастлив, что ли.

Оказавшись за воротами родительского дома, я достала телефон и набрала номер школьного друга.

Коля недавно получил права и теперь с гордостью осваивал старенький отцовский форд.

— Коль, выручай, — сказала я без предисловий. — Нужна эвакуация с ближайшей остановки.

— Буду через двадцать минут. Сиди там, где видно, — и на душе потеплело как-то.

Я неспешно дошла до остановки, уселась на скамейку так,

чтобы друг точно меня заметил (как будто тут есть возможность перепутать с кем-то).

Пока ждала, зашла в чат с девчонками и коротко обрисовала ситуацию. Ответ пришёл почти мгновенно:

Нина *ясное солнышко*: «Соф, у мамы есть место в общежитии! Отдельная комната, без соседок. Заезжай хоть сегодня!»

«А то говорили, что я никчёмная, — мысленно усмехнулась я. — А оказалась даже очень «кчёмная»».

Коля подъехал, как и обещал.

— Ну что, королева, — открыл галантно передо мной дверь с пассажирской стороны, — довезу с ветерком.

Я рассмеялась и забралась в салон. Дорога до общежития заняла чуть больше получаса. Одноклассник подбадривал меня, рассказывал смешные истории... А ещё он тоже мечтает съехать от родителей, но пока ему не по карману.

К вечеру я была уже в своей комнате. Маленькая, как игрушечная. С окном (слава Богу), выходящим на тихий дворик, с кроватью, столом, стулом, шкафом и тумбочкой. Всё остальное — в общей зоне.

Девочки меня приняли хорошо. Удалось им продать несколько брендовых вещей. Сумма у меня в кошельке вселяла надежду, что моё возвращение домой отложится на... Не хочу туда.

Устроившись на кровати, позволила себе расслабиться. Усталость навалилась разом, и я почти мгновенно провали-

лась в сон.

Не знаю сколько прошло, как под подушкой ожил телефон. Номер неизвестен.

— Реклама, наверное, — вздохнула, — пусть меня заболтают... — зевнула.

— Здравствуйте, — по ту сторону раздался низкий, слегка хрипловатый голос. И что-то в нём заставило меня закрыть глаза и улыбнуться.

— Угу, — сонно пробубнила я. — Мне уже нравится Ваш голос. Продолжайте.

— Кхм... — в голосе послышалось явное удивление. — Вас беспокоит Янис Данилович. И мне уже нравится, что Вам нравится мой голос.

Сон как рукой сняло.

Глава 7.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.